

Наемный труд в коллективистском обществе

I

В своих планах перестройки общества коллективисты впадают, по нашему мнению, в двоякую ошибку: они хотят уничтожения капиталистического строя и вместе с тем стремятся сохранить те два учреждения, которые составляют самую его подкладку: представительное правление и наемный труд.

Что касается так называемого представительного правления, то нам часто приходилось уже говорить о нем[31]. Для нас остается совершенно непонятным, как могут умные люди — а в таковых нет недостатка в коллективистской партии — оставаться сторонниками национальных и городских парламентов после всех тех уроков, которые нам дала в этом отношении история — и во Франции, и в Англии, и в Германии, и в Швейцарии, и в Соединенных Штатах.

Мы видим, что повсюду парламентаризм приходит в упадок и что повсюду поднимается критика — не только применений этой системы, но и *самых основных ее положений*; каким же образом могут социалисты-революционеры защищать этот осужденный на смерть образ правления?

Выработанное буржуазией, с одной стороны, для противодействия королевской власти, а с другой, с целью расширения и упрочнения своего господства над рабочими, представительное правление является в истории политической формой по преимуществу буржуазного строя. Защитники этой системы никогда и не утверждали серьезно, чтобы парламент или городской совет действительно *представлял* собою нацию или город: наиболее умные из них знают, что это — невозможно.

Представительное правление просто послужило буржуазии для того, чтобы воздвигнуть плотину против захватов королевской власти — не давая вместе с тем свободы народу. Но по мере того как народ все лучше сознает свои интересы, а вместе с тем растет и разнообразие самих интересов, эта система оказывается негодной. Потому-то демократы всех стран и занимаются теперь тщетными поисками за различными поправками: пробуют в

Швейцарии всенародное голосование законов (referendum) и находят, что оно тоже никуда не годится; говорят в Бельгии о пропорциональном представительстве или о представительстве меньшинства, т. е. опять-таки о разных парламентских утопиях, — одним словом, ищут того, чего найти нельзя. В конце концов им приходится все-таки признаться, что они пошли по ложному пути, и вера в представительное правление все более и более подрывается в народе.

То же самое происходит и с наемным трудом. Можно ли, в самом деле, после того, как мы провозгласили необходимость уничтожения частной собственности и коллективное владение орудиями труда, требовать, в той или иной форме, сохранения системы наемного труда? А между тем, проповедуя рабочие чеки, коллективисты поступают именно так.

Что эту систему предлагали английские социалисты в начале века (Роберт Оуэн) — вполне понятно: они в то время хотели *примирить труд с капиталом* и отказывались от всякой мысли нарушить насильственным путем собственность капиталистов. Понятно и то, что эту мысль принял впоследствии Прудон: в своей системе взаимного кредита он стремился сделать капитал менее вредным при сохранении частной собственности, которую он ненавидел в душе, но считал необходимой гарантией для личности против государства.

Что рабочие чеки признают и более или менее буржуазные экономисты — это также не удивительно.

Для них безразлично, будет ли получать рабочий свою плату в этой форме или в форме денег с изображением республики или империи. Им нужно спасти от грозящего им погрома частную собственность на жилые дома, на землю, на фабрики, во всяком случае — собственность на жилые дома и на капитал, нужный для фабричного производства. А для этой цели введение рабочих чеков оказалось бы как нельзя более подходящим.

Лишь бы только такой чек можно было обменять на всякие драгоценности, — и всякий хозяин дома охотно примет его в уплату за квартиру. А до тех пор, пока жилые дома, земля и заводы будут принадлежать отдельным собственникам, рабочему поневоле придется так или иначе платить им, чтобы иметь возможность работать в их полях или на их заводах и жить в их домах.

Но как можно защищать рабочие чеки — эту новую форму наемного труда, — раз мы установили, что дома, поля и заводы не составляют больше частной собственности, а принадлежат общине или всей нации? Этого мы не понимаем.

II

Присмотримся ближе к этому способу вознаграждения труда, проповедуемому французскими, немецкими, английскими и итальянскими коллективистами[32].

Он сводится приблизительно к следующему: «все работают — в полях, на заводах, в школах, в больницах и т. д. Продолжительность рабочего дня устанавливается государством,

которому принадлежат земля, заводы, пути сообщения и проч. Каждый рабочий день вознаграждается *рабочим чеком*, на котором значится, скажем, — «восемь часов труда». За этот чек рабочий может приобрести в магазинах, принадлежащих государству или различным корпорациям, всевозможные товары. Этот чек может также дробиться, как деньги, так что, например, можно купить на рабочий час мяса, на десять минут спичек или на полчаса табаку. Вместо того, чтобы говорить: «Дайте мне на пять копеек мыла», — после коллективистской революции станут говорить: «Дайте мне на пять минут мыла».

Большинство коллективистов, кроме того, остаются верными разделению, установленному буржуазными экономистами (и Марксом), между трудом *сложным*, требующим предварительного обучения, и трудом *простым*; они говорят, что труд *сложный*, т. е. профессиональный, *должен* оплачиваться в несколько раз больше, чем труд *простой*. Так, например, один час труда врача будет считаться соответствующим двум или трем часам труда больничной сиделки или трем часам труда землекопа. «Профессиональный, или квалифицированный труд будет иметь ценность в несколько раз большую, чем труд простой», — говорит коллективист Гренлунд, потому что этот род труда требует более или менее долгого обучения[33].

Другие коллективисты — например, французские марксисты — не признают этого различия и провозглашают «равенство заработной платы». Врач, учитель, профессор будут получать (в виде рабочих чеков) такое же вознаграждение, как и землекоп. Восемь часов, проведенные за осмотром больных в больнице, будут стоить столько же, сколько восемь часов работы землекопа или работы на фабрике.

Некоторые делают еще одну уступку и допускают, что работа неприятная или вредная для здоровья — например, работа в сточных трубах — должна оцениваться выше, чем труд приятный. Час работы в сточных трубах соответствовал бы, например, двум часам работы профессора.

Прибавим, наконец, что некоторые коллективисты принимают также вознаграждение по группам, по корпорациям. Артель литейщиков сказала бы, например: «Вот сто тонн стали. Когда мы работали над ней, чтобы добыть руду, вылить железо и т. д., нас было сто рабочих и мы употребили на это десять дней. А так как каждый рабочий день включает в себе восемь часов, то это составляет восемь тысяч рабочих часов для получения ста тонн стали, т. е. восемьдесят часов на тонну». Тогда государство выдало бы им восемь тысяч рабочих чеков, по одному часу каждый, и эти восемь тысяч чеков были бы затем распределены, по их усмотрению, между всеми работающими на данном заводе.

С своей стороны, сто углекопов употребили, например, двадцать дней на добывание восьми тысяч тонн угля; поэтому тонна угля стоила бы два часа, и шестнадцать тысяч чеков по часу каждый, полученные всей артелью, были бы распределены между ее членами по их собственной оценке.

Если бы углекопы стали протестовать и сказали бы, что тонна стали должна стоить всего шестьдесят часов труда вместо восьмидесяти, или если бы врач захотел, чтобы за час его труда платили, как за два часа труда сиделки, то тогда в дело вмешались бы государство и

разрешило бы их разногласия.

Такова, в немногих словах, организация, которую коллективисты хотели бы установить после социальной революции. Как видно из сказанного, их принцип — коллективная собственность на орудия труда и личное вознаграждение каждого, сообразно потраченному им на производство времени, принимая вместе с тем во внимание и производительность его труда. Что касается до политического строя, рекомендуемого коллективистами, они принимают парламентаризм, видоизмененный введением определенного, обязательного полномочия депутатам (*mandat imperatif*) и *referendum'a*, т. е. всенародного голосования (плебисцита), в котором каждый отвечает на поставленный вопрос *да* или *нет*.

Заметим, прежде всего, что этот порядок кажется нам совершенно неосуществимым.

Коллективисты начинают с признания революционного принципа — уничтожения частной собственности, а затем сейчас же отрицают его, оставляя без изменения такой способ организации производства и потребления, который сложился именно вследствие существования частной собственности на орудия производства.

Они провозглашают революционный принцип — и вместе с тем не замечают последствий, к которым он неизбежно должен привести. Они забывают, что уже самый факт уничтожения частной собственности на орудия труда (землю, фабрики, пути сообщения, капиталы и проч.) должен заставить общество вступить на совершенно новый путь; что он должен вызвать полный переворот во всем производстве — как в его целях, так и в его средствах; что как только земля, машины и все остальное станет считаться общей собственностью, все ежедневные отношения между людьми должны будут подвергнуться глубокому, существенному изменению.

«Пусть не будет частной собственности, — говорят они и тотчас же стараются удержать частную собственность в ее ежедневных проявлениях. — В отношении производства вы будете составлять Коммунистическую общину; поля, орудия, машины, все, что произведено было до сих пор: фабрики, железные дороги, гавани, копи и т. д., — все это будет ваше общее. Относительно доли участия каждого в этой общей собственности не будет подниматься никакого вопроса.

Но лишь только дело дойдет до вознаграждения за труд, вы на другой же день начнете оспаривать друг у друга долю участия каждого из вас в производстве новых машин, в разработке новых копей.

Старайтесь в точности взвесить часть, приходящуюся на долю каждого. Считайте минуты и ревниво следите за тем, чтобы минута труда вашего соседа не могла купить большее количество продуктов, чем ваша минута.

А так как часами ничего измерить нельзя, потому что на одной фабрике рабочий может смотреть одновременно за шестью ткацкими станками, тогда как на другой он может смотреть только за двумя, то вы начните взвешивать также потраченную каждым из вас мышечную силу и умственную и нервную энергию. В точности высчитайте годы, употребленные на обучение каждого работника, чтобы определить долю каждого в

будущем производстве, и все это — после того, как вы сами же заявите, что в производстве *прежних лет* вы совершенно не намерены принимать во внимание, каково было участие того или другого из вас!»

Нам кажется очевидным, что никакое общество не может сложиться на основании двух совершенно противоположных, постоянно противоречащих друг другу начал. Страна или община, которая ввела бы у себя подобную организацию, очень скоро была бы вынуждена или вернуться к частной собственности, или превратиться в общество коммунистическое.

III

Мы уже видели, что некоторые коллективисты требуют установления различия между трудом *сложным* и трудом *простым*[34]*. Они считают, что час труда инженера, архитектора или врача должен считаться за два часа труда кузнеца, каменщика или больничной сиделки и что то же различие должно быть установлено, с одной стороны — между всеми ремеслами, требующими более или менее долгого обучения, а с другой — трудом простых поденщиков.

Но установить такое различие значит сохранить целиком неравенство, существующее в современном обществе. Это значит провести заранее черту между рабочими и теми, которые претендуют на управление ими. Это значит разделить общество на два ясно обособленные класса — аристократию знания и стоящую под нею толпу с мозолистыми руками — два класса, из которых один будет служить другому, будет работать для того, чтобы кормить и одевать людей, которые, конечно, воспользуются полученным таким образом досугом, чтобы учиться господствовать над теми, кто его кормит. Мало того: это значит взять одну из самых характерных черт современного буржуазного общества и усилить ее авторитетом социальной революции; это значит возвести в основное начало то зло, на которое мы нападаем в старом, разрушающемся обществе.

Мы заранее знаем, что нам ответят. Нам станут говорить о «научном социализме», будут ссылаться на буржуазных экономистов — а также и на Маркса, чтобы доказать, что установленная градация заработной платы имеет разумные причины, потому что «рабочая сила» инженера стоила обществу больше, чем «рабочая сила» землекопа. И в самом деле, разве экономисты не старались доказать нам, что если инженеру платят в двадцать раз больше, чем землекопу, то это происходит только потому, что издержки, «необходимые» для приготовления инженера, больше тех, которые требуются для приготовления землекопа? И разве Маркс не говорил, что то же самое различие должно логически существовать и между различными отраслями ручного труда — раз труд становится товаром? Он должен был неизбежно прийти к этому выводу, раз только он принял теорию ценности Рикардо и утверждал, вслед за ним, что товары обмениваются пропорционально общественно необходимому для производства их труду[35].

Но мы знаем, что если в настоящее время инженер, ученый или врач получают в десять или в сто раз больше, чем рабочий, и что если ткач получает втрое больше, чем крестьянин, и в десять раз больше, чем работница на спичечной фабрике, то это зависит вовсе не от

«издержек на их производство», а от монополии на знание или в пользу промышленности. Инженер, ученый и врач просто эксплуатируют известный капитал — свой диплом, — подобно тому как заводчик эксплуатирует свой завод или как помещик-дворянин эксплуатирует свой дворянский титул.

Что же касается собственника завода, который платит инженеру в двадцать раз больше, чем рабочему, то он поступает так вовсе не ради оценки «издержек производства», а из простого расчета.

Если инженер может сберечь ему на производстве тридцать тысяч рублей в год, он платит ему пять тысяч: если он найдет такого надсмотрщика за рабочими, который ловко сумеет прижимать их и поможет сэкономить три тысячи рублей на плате за труд, хозяин охотно даст надсмотрщику восемьсот рублей в год. Он охотно затратит лишних несколько сот рублей, чтобы выгадать себе тысячи, и в этом существенная черта капиталистического строя. То же самое можно сказать и о различиях между разными ручными ремеслами.

Как же можно говорить в таком случае об «издержках производства», будто бы определяющих стоимость рабочей силы? Неужели студент, весело прошедший свою молодость в университете, имеет *право* на плату в десять раз большую, чем сын углекопа, который с одиннадцати лет чахнул в угольной шахте? И неужели ткач имеет право на заработок в три или четыре раза больший, чем заработок крестьянина и крестьянки? Издержки, необходимые на производство ткача, вовсе не в три или четыре раза больше издержек на производство крестьянина; ткач просто пользуется теми выгодными условиями, в которые поставлена европейская промышленность по отношению к странам земледельческим, в которых промышленность еще не развита.

Никто никогда еще не вычислял этих *издержек производства*; и если, вообще говоря, туineaдец стоит обществу больше, чем рабочий, то, когда мы сравним сильного поденщика с ремесленником, то еще вопрос, не окажется ли, если принять во внимание все условия (смертность детей рабочих, изнуряющее их малокровие и преждевременную смерть), что первый обходится обществу дороже, чем второй.

Можно ли, например, допустить, что те пятьдесят копеек, которые получает в день парижская работница, или шесть пенсов (двадцать четыре копейки), зарабатываемых в день лондонской швеею, или тот рубль, который платят в день крестьянину, представляют собою «издержки производства работницы, швеи и крестьянина»? Мы отлично знаем, что человеку часто приходится работать и за еще меньшую плату, но мы знаем также, что это происходит исключительно оттого, что при нашем великолепном общественном устройстве без этой ничтожной платы работник и работница умерли бы с голоду.

Мы думаем поэтому, что различные ступени в заработной плате представляют собою сложный результат целого ряда условий: налогов, государственной опеки, капиталистического захвата, монополии — одним словом, государства и капитала. Поэтому мы и говорим, что все теории относительно этой шкалы в заработной плате изобретены были уже после ее установления, чтобы *оправдать* существующую несправедливость, и что поэтому нам совершенно не нужно принимать в расчет те тонкие теории, которыми ее

стараятся оправдать.

Нам заметят, вероятно, что коллективистская лестница в заработной плате будет, как бы то ни было, некоторым шагом вперед. «Пусть лучше некоторые разряды рабочих, — скажут нам, — получают плату вдвое или втрое больше других разрядов, чем чтобы министры получали в один день столько, сколько рабочий не заработает и в год. Это, во всяком случае, шаг вперед в смысле равенства».

Мы думаем, что это будет, наоборот, шаг назад. Ввести в *новое* общество различие между трудом простым и трудом профессиональным значило бы, как мы уже говорили, узаконить революцию и возвести в основное начало тот грубый факт, которому мы подчиняемся теперь, но который мы тем не менее находим несправедливым. Это значило бы поступить подобно тем, которые 4-го августа 1789 года провозгласили с громкими фразами отмену феодальных прав, а 8-го августа узаконили эти самые права, заставив крестьян выкупать их у помещиков и поставив последних под охрану Революции. Это значило бы поступить так, как поступило русское правительство, которое в день освобождения крестьян объявило, что земля принадлежит помещикам, тогда как раньше считалось злоупотреблением распоряжаться наделами крепостных крестьян.

Или же возьмем другой известный пример. Когда в 1871 году Парижская Коммуна решила платить членам своего Совета по пятнадцати франков (около пяти рублей) в день, тогда как рабочие, дравшиеся на укреплениях, получали всего тридцать су (около пятидесяти копеек), это решение приветствовали как высшее проявление демократического равенства. В действительности же Коммуна только подтвердила старое неравенство между чиновником и солдатом, между управляющим и управляемым. Со стороны какого-нибудь парламента такая мера могла бы показаться очень прекрасною, но для Коммуны это было изменой своему революционному принципу, а следовательно, осуждением его. Не наемную плату, на которую, между прочим, и прожить было невозможно даже рабочей семье, должна была платить Коммуна тем рабочим, которые сражались за нее. Она должна была счесть своим первым, святым долгом обеспечить существование своих борцов и их семей.

В современном обществе, когда мы видим, что министр заставляет платить себе по тридцати тысяч рублей в год, тогда как рабочий должен довольствоваться тряпками рублями или даже меньше; когда мы видим, что надсмотрщику над рабочими платят вдвое или втрое больше, чем рабочему, и что даже среди самих рабочих существуют разные платы — от трех или четырех рублей в день до двенадцати копеек, зарабатываемых крестьянкой, — мы негодуем. И негодуем мы не только на высокое жалование министра, но и на такое различие в заработке рабочего и крестьянки. Мы говорим: «Пусть привилегии, связанные с образованием, исчезнут так же, как и привилегии, связанные с происхождением!» Рабочие потому именно и становятся революционерами, что всякие привилегии их возмущают.

Но если они возмущают нас в современном обществе, то как же сможем мы терпеть их в обществе, которое начнет свое существование с провозглашения равенства?

Вот почему некоторые коллективисты, понимающие, что ступени в заработной плате не смогут удержаться в обществе, проникнутом духом революции, спешат провозгласить, что

заработная плата будет для всех одинакова. Но здесь они наталкиваются на новое затруднение, которое делает из их равенства заработной платы такую же неосуществимую утопию, как и ступенчатая плата, предлагаемая другими.

Общество, которое овладеет всем общественным богатством и громко провозгласит, что все имеют на него право, какова бы ни была в прошлом доля участия каждого в создании этого богатства, — такое общество должно будет отказаться от всякой мысли о наемной плате, в какой бы форме она ни представлялась: в виде ли денег, или в виде рабочих чеков.

IV

«Каждому — сообразно его труду», — говорят коллективисты, т. е., другими словами, — сообразно его доле к услугам, оказываемых обществу. И этот принцип нам предлагают приложить на практике, после того как революция обратит в общую собственность орудия труда и все необходимое для производства!

Если бы социальная революция действительно провозгласила это начало, она этим самым поставила бы преграду дальнейшему развитию человечества и оставила бы нерешенной ту громаднейшую общественную задачу, которую мы получили в наследство от прежних веков.

В самом деле, в таком обществе, как наше, где мы видим, что чем больше человек работает, тем меньше он получает, — такое начало может казаться, с первого взгляда, выражением справедливости. В действительности же оно только освящает всю несправедливость прошлых времен. Наемный труд начал свое существование именно с этого принципа — [каждому по его трудам] — и привел он нас понемногу к самому явному неравенству и ко всем возмутительным явлениям современного общества. С того дня, когда люди начали мерить услуги, оказываемые обществу, платя за них деньгами или какой бы то ни было другой формой заработной платы, — с того дня, когда было заявлено, что каждый будет получать столько, сколько он сможет заставить себе платить за свои услуги, — с этого дня вся история капиталистического общества была (при содействии государства) написана заранее. Она вся целиком находилась в зародыше в этом основном начале.

Неужели же мы должны теперь опять вернуться к этому исходному пункту и вновь пройти через то же развитие? Наши теоретики стремятся к этому, но, к счастью, это невозможно. Как мы уже видели, *революция* должна будет обратиться к коммунизму; иначе она будет потоплена в крови и ее придется начинать сизнова.

Услуги, оказываемые обществу — будь то работа на фабрике или в поле или услуги нравственного характера, — *не могут быть оценены в монетных единицах*. Беря мануфактурное производство, точной меры ценности — ни того, что неправильно называют меновой ценностью, ни ценности, рассматриваемой с точки зрения полезности, — нет возможности установить. Если мы видим двух человек, которые в течение целого ряда лет работают по пяти часов в день на общую пользу в различных, одинаково им нравящихся областях, то мы можем сказать, что их труд приблизительно равноценен; но дробить этого труда нельзя; нельзя сказать, что продукт каждого дня, каждого часа, каждой минуты

труда одного из них равноценен продукту минуты, часа или дня другого.

Можно сказать, в общем, что человек, который всю свою жизнь лишал себя досуга в течение десяти часов в день, дал обществу больше, чем тот, который отнимал у себя всего пять часов или не отнимал вовсе ничего. Но нельзя взять продукт, который он произвел в течение двух часов, и сказать, что этот продукт стоит вдвое больше, чем продукт одного часа труда другого человека, и вознаграждать труд обоих соответственно этому расчету. Это значило бы закрыть глаза на всю сложность промышленности, земледелия и вообще всей жизни современного общества; это значило бы не замечать, до какой степени всякий труд каждой отдельной личности является результатом всего прошедшего и настоящего труда всего общества. Это значило бы думать, что мы живем в каменном веке, тогда как на самом деле мы живем в веке стали.

Войдите, например, в угольную копи и посмотрите на рабочего, стоящего возле огромной машины, заставляющей ходить вверх и вниз клетку, в которой поднимают из шахты уголь. В руках у него рычаг, который останавливает машину или заставляет ее действовать в обратную сторону; стоит ему только двинуть рычаг, и клетка мгновенно изменяет направление своего движения, взлетая вверх или опускаясь вглубь с головокружительной быстротой. Весь внимание, он с напряжением следит глазами за указателем, который показывает ему, в каком месте находится в каждую данную минуту шахтовая клетка; и как только указатель достиг известного уровня, он мгновенно останавливает движение машины, — ни на один аршин ниже или выше требуемого уровня. А как только из клетки выкатят вагонеты, полные угля, и втолкнут на их место пустые, он вновь поворачивает рычаг, не теряя ни секунды, — и вновь клетка летит в глубь шахты.

В течение восьми или десяти часов он находится в этом состоянии усиленно напряженного внимания. Если бы ум его отвлекся на полминуты от указателя, клетка влетела бы в потолок, дробя колеса и давя людей, и вся работа в руднике была бы остановлена. Стоит ему потерять три секунды при каждом повороте рычага — и количество добываемого угля сократится (в усовершенствованных современных копиях) на двадцать пять или на пятьдесят тонн в день.

В таком случае признаем ли мы его самым полезным человеком в руднике? Или, может быть, того, кто подает ему снизу сигнал к поднятию клетки? Или же того углекопа, который ежеминутно рискует своей жизнью в глубине копи и рано или поздно будет убит рудничным газом? Или, может быть, инженера, который вследствие простой ошибки в сложении при своих вычислениях мог бы потерять угольный пласт и повести штольню в пустом камне? Или, наконец, хозяина, который вложил в это дело все свое имущество и, может быть, вопреки всем советам, говорил, когда рыли шахту: «Ройте здесь, ройте глубже, и мы найдем прекрасный уголь»? Или — какого-нибудь старика углекопа, который уговаривал хозяина продолжать дело?

Все работающие в этой копи содействуют, по мере своих сил, своей энергии, своих знаний, своего ума, своего умения, добыванию угля; и мы, действительно, можем сказать, что все они имеют право жить и удовлетворять свои потребности (и даже свои фантазии, как только необходимое для всех будет обеспечено). Но каким образом можем мы оценить

деньгами, платой участие каждого из них? Да и самый уголь, который они добывают, — разве это их продукт, добытый ими одними? Разве он не продукт также и тех людей, которые построили железную дорогу, ведущую к копи, и те другие дороги, которые, как лучи, расходятся от нее ко всем станциям? Разве он также не дело тех, кто пахал и засеивал поля, рубил деревья в лесу, строил машины, в которых будет гореть этот уголь? И так далее без конца!

Между делом одного и делом другого не может быть установлено никакого различия. Если мы будем мерить их заслуги по их результатам, то это приведет нас к нелепости, и то же самое получится, если мы станем дробить их заслуги и мерить их часами труда.

Остается только одно: поставить *потребности* людей выше их *дел* и признать сначала право на жизнь, а затем и право на довольство за *всеми теми, кто принимает какое бы то ни было участие в производстве.*

Возьмите какую хотите другую отрасль человеческой деятельности, возьмите всю совокупность жизненных проявлений и скажите — кто из нас имеет право претендовать на большее вознаграждение: врач, который угадал болезнь, или сиделка, которая обеспечила выздоровление своим тщательным уходом? Изобретатель ли первой паровой машины или тот мальчик, которому в один прекрасный день надоело тянуть веревку, служившую прежде для открывания клапана, выпускавшего пар под поршень, и которую он догадался раз привязать известным образом к коромыслу машины, а сам побежал играть с товарищами, не подозревая, что он открыл этим самым необходимую часть всякой современной паровой машины — механический клапан? Изобретатель ли локомотива или тот ньюкастльский рабочий, который подал мысль заменить деревянными шпалами те камни, на которые раньше клали рельсы и которые, вследствие отсутствия в них упругости, заставляли поезда все время сходить с рельсов? Машинист ли на локомотиве или тот человек, который подает сигнал, чтобы остановить поезд, или же стрелочник, открывающий путь?

Кому мы обязаны существованием телеграфного сообщения через Атлантический океан? Тому ли инженеру, который упорно утверждал, что проволочный канат будет передавать депеши, в то время как почти все, самые ученые специалисты по электричеству заявляли, что это невозможно? Тому ли ученому, Мори, который посоветовал заменить толстые канаты тонкими, не толще обыкновенной трости? Или, наконец, тем неизвестно откуда явившимся добровольцам, которые проводили дни и ночи на палубе «Грэт Истерна»[36]* и тщательно рассматривали каждый фут каната, вынимая из него гвозди, которые втыкались кем-то (говорят — акционерами морских компаний) в изолирующий слой с целью сделать канат негодным к употреблению?

А в более широкой области — в области настоящей человеческой жизни, с ее радостями, ее горестями и ее случайностями, — разве каждому из нас не случалось встретиться с человеком, который оказал ему в жизни такую услугу, что самая мысль о денежной ее оценке показалась бы оскорбительной? Иногда эта услуга была не что иное, как слово, сказанное вовремя, иногда же это были месяцы и годы самоотверженной преданности. Неужели же и эти «неоценимые» услуги мы тоже станем расценивать в рабочих чеках?

«Каждому — по его делам!» — говорят они. Но человеческие общества не могли бы просуществовать и двух поколений подряд, если бы каждый не давал иногда другим гораздо больше, чем он надеется получить от них в виде денег или рабочих чеков. Человечеству пришел бы конец, если бы мать не давала свою жизнь для сохранения жизни своих детей, если бы каждый человек не давал хоть иногда не считая, если бы он не давал в особенности именно тогда, когда он не ждет никакого вознаграждения.

И если буржуазное общество гибнет, если мы находимся в настоящую минуту в тупике, из которого не можем выйти иначе, как разрушая топором и огнем учреждения прошлого, то это происходит именно оттого, что мы слишком много считали; оттого, что мы приучили себя *давать* только с целью *получить*; оттого, что мы захотели сделать из общества коммерческую компанию, основанную на приходе и расходе.

Коллективисты, впрочем, знают это и сами. Они смутно понимают, что никакое общество не могло бы просуществовать, если бы оно строго провело до конца свое правило «каждому по его делам»; они тоже понимают, что *потребности* личности — мы не говорим о капризах — не всегда совпадают в ее *делами*. Так, например, Де Пап[37]* пишет:

«Этот чисто индивидуалистический принцип будет, впрочем, *смягчаться* общественным вмешательством в дело воспитания детей и молодых людей (включая сюда пищу и все их содержание) и в дело общественной организации помощи калекам и больным, пенсий для старых рабочих и т. под.».

Они понимают, по-видимому, что у сорокалетнего человека, отца троих детей, больше потребностей, чем у двадцатилетнего юноши; что женщина, которая кормит ребенка и проводит около него бессонные ночи, не может делать столько же *дел*, как человек спокойно выспавшийся. Они понимают, по-видимому, что люди — мужчины или женщины — изнуренные, может быть, на службе обществу, могут оказаться неспособными сделать столько же «дел», как те, которые получали свои «чеки», занимая привилегированное положение государственных статистиков.

Поэтому они спешат смягчить свой принцип. «Конечно, — говорят они, — общество возьмется кормить и воспитывать детей, будет помогать старикам и больным! Конечно, *потребности* послужат в данном случае мерилom издержек, которые возьмет на себя общество, чтобы смягчить свое основное правило «каждому по его делам»».

Одним словом, получается опять-таки благотворительность! Все та же христианская благотворительность, но на этот раз организованная государством. Стоит только усовершенствовать воспитательные дома и организовать страхование от старости и болезни — и основной принцип смягчен! Все та же система: «Сначала ранить, а потом лечить!»

Таким образом, начав с отрицания коммунизма и с насмешливого отношения к принципу «каждому по его потребностям», они, эти великие экономисты, в конце концов замечают, что забыли-таки одну вещь, а именно — потребности производителей. Они спешат их признать. Но только оценивать эти потребности должно государство; государство должно

проверять, соразмерны ли они с делами каждого? Подать ли милостыню или нет?

Государство, стало быть, возьмет на себя благотворительность — призрение хромых и слепых нищих, а от этого до английского закона о бедных и до английских рабочих домов, т. е. тюрем для неимущих, — всего один шаг. Ведь и то безжалостное современное общество, против которого мы возмущаемся, тоже оказалось вынужденным *смягчить* свой индивидуализм; оно тоже должно было сделать некоторые уступки в направлении коммунизма и точно так же в форме благотворительности: оно так же завело воспитательные и «рабочие дома»!

Оно точно так же раздает дешевые обеды — из боязни, как бы голодные не разграбили его лавок. Оно так ж] устраивает больницы, очень часто плохие, по иногда и великолепные, чтобы помешать распространению заразных болезней: неравно и сам заразишься! Оно так же оплачивает сначала часы труда, а затем берет на себя воспитание детей тех, кого довело до крайней нищеты. Оно так же принимает во внимание потребности и делает это в форме Казенного Попечительства о Бедных.

Бедность послужила, как мы видели, первым источником обогащения; *она* создала первого капиталиста. В самом деле, ведь прежде чем явилась та «прибавочная стоимость», о которой так любят говорить экономисты, нужно было, чтобы существовали голодные бедняки, которые согласились бы продавать свою рабочую силу. Их бедность сделала возможным существование богатых. И если нищета так сильно развилась к концу средних веков, то это благодаря тому, что завоевания и войны, последовавшие за образованием государств и обогащением вследствие эксплуатации Востока, порвали связи, существовавшие раньше между городом и деревней, и выбросили из города деревенскую нищету, которую аксплоататоры могли запрячь в наемный труд.

Неужели же это самое начало должно явиться теперь результатом революции? И неужели мы назовем этот жалкий результат именем «социальной революции», — этим именем, дорогим для всех голодных, приниженных и оскорбленных?

Нет, этого не будет! В тот день, когда старые учреждения начнут падать под ударами пролетариев, раздадутся голоса, требующие «хлеба», убежища и довольства для всех!

И эти голоса будут услышаны. Народ скажет: «Удовлетворим прежде всего ту жажду жизни, радости и свободы, которой никогда мы еще не могли утолить! А когда мы испытаем это счастье, тогда мы примемся за дело! за уничтожение последних следов буржуазного общества, его нравственности, почерпнутой из бухгалтерских книг, его философии «прихода и расхода», его учреждений, устанавливающих различие между «твоим и моим». И, «разрушая, мы будем создавать», — как говорил Прудон, — будем создавать во имя коммунизма и анархизма»[38].

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 21 апреля 2025 20:08:51

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 21 апреля 2025 20:09:11